

НИКОЛАЙ ИВАНОВ

СПЕЦНАЗ
ОФИЦЕРЫ

**ТОТ, КТО СТРЕЛЯЕТ
ПЕРВЫМ**

Николай Федорович Иванов

Тот, кто стреляет первым

Серия «Спецназ. Офицеры»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24391256

Тот, кто стреляет первым: Эксмо;

ISBN 978-5-04-168016-9

Аннотация

В Аргунском ущелье погибает взвод российских морпехов. Со всех сторон его обложили банды Хаттаба. Помощи ждать неоткуда: единственная дорога через перевал контролируется боевиками. Вся надежда на авиацию, но подходящей площадки для посадки Ми-8 поблизости нет, а видимость – практически нулевая. И все же вертолетчик Громак вместе с ведомым, не раздумывая, поднимают в небо свои «вертушки», чтобы там, в ущелье, под пулями моджахедов, совершить невозможное...

Содержание

Тридевятое царство	5
Свете тихий	45
Золотистый золотой	73
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Николай Федорович Иванов

Тот, кто стреляет первым

© Иванов Н., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Не выстрелы пою, а тех, кто шел под пулями.

*Не войне поклоняюсь, а тем, кто не прятался от
нее.*

Русскому солдату

Тридевятое царство

1

Грудки были такие маленькие, что хватило двух камушков, чтобы прикрыть их от солнца.

– Везет же некоторым.

Покрывало, раскладываемое рядом, овеяло Алену жарким ветерком. Глаза можно не открывать – Зинка-продащица из Военторга. А вот уши бы замуровать...

– Мне в детстве говорили, что я копия отца. Радовалась – худенькая буду. А сейчас в зеркало гляну: «Здравствуй, мама!» Кто-то весь торт съест – и ничего, я же только гляну на него, а по бокам уже по 5 килограммов нависло. Ничего, что я рядышком?

Господи, неужели не наговорила в своем Ванькином торге? И только бы не начинала о своем разводе...

– Я тут подумала, почему у меня не сложилась семейная жизнь: кольцо свадебное я ведь сама себе купила! Пожалела мужа, чтоб не вкалывал по ночам. А он и не стал напрягаться. После свадьбы тем более... – Военторг, конечно, желудок армии, но при чем здесь нервы подруг, прилегших позагорать в послеобеденный отдых? – Глянь-ка, что тут можно

сделать?

Что еще?

– Женихи все ноги оттоптали, – попробовала оправдаться за плохо подогнанные берцы Зина, отдирая лейкопластырь со сбитых пяток. – А на что они мне? – Несмотря на возглас, тема была ей приятна: – Это девки любят красивых, а мы – уже порядочных, – то ли превознесла себя, оправдав отсутствие женихов, то ли опустила напарницу.

– Зайдешь ко мне – смажу, – вернула камешки на место приподнявшаяся было Алена. На войне нет разницы в днях недели, но вот напомнила, что понедельник – день по-прежнему тяжелый.

– Он у меня как прогноз погоды был: все всегда не вовремя.

Похоже, она сама всегда была в семейной жизни не вовремя. Так что лейкопластырь на рот клеить надо, а не на пятки...

– Я ж еще не успела согрешить, только в мыслях, а уже – расплата. Сам небось направо и налево... Уходишь?

Убегает. Лучше к больным и раненым, чем в чужие семейные дразги:

– Надо прическу какую-никакую сделать.

Маскеть, укрывшая пляжную полянку, рассеивала не только солнце, но и возможные мужские взгляды. Да и принявший под опеку женский лагерь командир морской пехоты из Балтийска старший лейтенант Мережко не только рас-

положил свои палатки по периметру женской обители, но и наставил вдоль колючки сигнальных мин-ловушек. Сам не ам и другому не дам...

Подоспело известие, что старлей одинаково хорошо играет и на гитаре, и на снайперской винтовке. По крайней мере, один из командировочных майоров, вздумавший «нежданчиком» проверить караульную службу пехотинцев, научился плясать лезгинку именно под пулями, впивавшимися под его подошвы. После этого стало окончательно ясно, что даже в госпиталь, располагавшийся среди женских палаток, можно попасть лишь двумя путями: раненым с поля боя или с температурой в сопровождении ротного санинструктора. Лагерь окрестили «Тридевятым царством», намекая и на контингент «Особо Охраняемого Объекта», и на географическую принадлежность морпехов из Калининградской области, по автомобильным номерам отнесенной к 39 региону. А высшей похвалой Мережко стало то, что со временем название женского лагеря перешло сначала на весь военный городок, а затем даже в радиопереговоры между «духами».

– Какая операция? – послышался среди палаток голос начмеда, и Алена торопливо застегнулась до последней пуговички на халате. – Пусть гороскоп глянет – все созвездия раком стоят. Операция ему... Если зимой умирать неудобно, то весной – жалко. Так и передай хирургу. Мухой.

Меж палаток не мухой, конечно, но запущенным по воде «блинчиком» – плюх-плюх-плюх – пропрыгал дежурный

по медбату: видать, берцы и впрямь в последней партии завезли слишком жесткие, если хромает каждый второй. Алена упорхнула вслед за попрыгунчиком, а Зина, отложив бутерброд с любимым паштетом и огурчиком сверху, со шпротинкой для усиления вкуса, схватила оставшиеся бесхозными камешки. Примерила на свою вольготно расплывшуюся грудь. Размера не хватило укрыть даже коричневый ореол, и продавщица, словно Алена была виновата в ее дородности, связала уход медсестры со своей прошлой жизнью:

– Прически у нее нет... Подойди к мужу, назови козлом, и он тебе такой начес соорудит!

За прическу Алены она могла бы не беспокоиться: мужа у той не имелось, а что заглядывается на нее капитан-вертолетчик, так об этом разве что плакаты на строевом плацу не сообщали. Однако следовало быть честным: свое личное отношение к летуну она не выказывала, так что надеялся на благосклонность местной дюймовочки и командир разведроты, про чью симпатию к Алене не прошелестела ни одна травинка. Тайну морпеха мог бы распознать Зигмунд Фрейд, расшифровав рвение старлея по охране «Тридевятого царства», да только в армии в начале девяностых были ликвидированы даже обыкновенные военные психологи: мало ли что нашепчут человеку с ружьем, к чему призовут и кого любить заставят! Боялась армию новая власть, а Чечня позволяла держать наиболее толковых офицеров подальше от Москвы.

– Маликова! – раздалось среди палаток, и Алена застыла, зажмурившись от досады: не успела прошмыгнуть мимо начмеда. И хотя погон не носила, повиновалась общему порядку и повернулась к начальнику по-военному.

Подполковник сидел на ящике из-под артиллерийских снарядов, служившим лавочкой у перевязочной палатки. Махнул рукой: подойди, я набегался. Право подзывать женщин давали не два просвета на погонах, а красные нашивки за ранения, да еще обе в ноги.

– Ты мне дисциплину здесь не расхолаживай, – отчитал первым делом, но было непонятно, имел он в виду вертолетчика или извивы белого тела сквозь масксеть. – Думаешь, одна тут? У них, – кивнул за колючую проволоку, намекая на мужчин, – душа, конечно, радеет о работе, но ноги просят в санчасть. И нет бы по нужде, а то ведь из-за таких красивых, как ты.

И вновь никакой конкретики. Просто виновата. На всякий случай! Ноздри раздуваются, как голенища, на избитом оспинами лице сжатые в линеечку полные губы. А ведь фамилия у него самая добрая из всех возможных медицинских – Сердцев. Подполковник Сердцев. Только вот ни к обличью, ни к характеру, видят Бог и Гиппократ, она не подходит. Да и не держатся прищепки на старом асфальте: говорят, менял он ее. Тоже с почти медицинской, кстати – Могильщиков. В начале службы, дурачась, даже вывешивал ее в самой яркой и крупной табличке на дверях кабинета: милости прошу на

прием. Улыбался, глядя, как напрягаются пациенты. Однако после первой Чечни фамилия стала столь реально зловещей, что в отпуске переписал удостоверение личности. К сожалению, потока раненых и «двухсотых» это не остановило...

– Что дома? – совершенно неожиданно, как если бы вместо лекции о международном положении на сцене запел оперный певец, поинтересовался начальник.

– Мамка ждет, – пропела свою арию Алена.

– Мамка, – пробурчал подполковник, помассировав щиколотку. Видать, полоснуло ногу именно там. – Женихи должны ждать. Возьми на складе сорок ИП, отнеси Мережко. И под роспись!

– Сорок? – переспросила Алена. Начмед никогда не ошибается, но и выдавать столько дополнительных индивидуальных пакетов... Морпехи идут на задание? И какое оно должно быть, если майор прогнозирует столько ранений?

Сердцев так зыркнул, что Алена, как только что дежурный, понеслась к складу едва ли не над тротуарной крошкой.

– Сорок, – повторил начмед для себя. Именно сорок, потому что слишком хорошо знал район будущего десанта. Верхняя красная нашивка – оттуда.

Из палатки вышел, блестя бинтом на культе, священник. Улыбнулся счастливо солнцу. Еще бы – жив остался, хотя руку не уберег: отрубили в плену, чтобы не крестился и не молился. – Присаживайся, батюшка. Через недельку-полторы начнем заниматься протезом.

Священник, по возрасту не старше капитана, а потому никакой для подполковника не отец Иоанн, неуверенно перекрестился культишкой, сам пока не зная, можно ли осенять себя левой рукой. На всякий случай подбодрил себя короткой молитовкой – словно маковым зернышком сдобу приправил. Божье слово – оно всегда слева направо читается, ему хоть обе руки утрать, а правда останется посередине. В сердце.

– Там Мережко на боевые готовится. Можно было бы среди бойцов походить, – скорее предположил подобную возможность, чем попросил Сердцев. Тем более что кивнул на культу – в те края собирается, где оставил руку.

Замполитов, как и психологов, в армии тоже сократили аккуратно под чеченскую кампанию, посчитав заботу о душе и настрое солдата на войне советским анахронизмом. Или опять-таки, не веря в замполитов, непонятно на что способных подбить подчиненных. Лучше уж оставить командиров их один на один с боевым приказом, оружием, боеприпасами, сухпайком, медициной, связью, артиллерией, авиацией. Вот тут уж им точно будет не до политики. И все бы ничего, только вот солдатики – они вчера еще в школе учились, мамку слушались, они еще в разговор по душам верят. Тем более перед боем. А разговора нет, потому что командир с оружием, боеприпасами, жратвой, взаимодействием с авиацией и артиллерией...

Солдат развлекал белообрый вертолетчик, рассеявшийся на вытащенном из палатки стульчике. Автомат рядом с ним и малюсенькая щепотка подвявших горных цветочков в руках говорили о его недавнем возвращении с задания. Кому предназначался букетик, гадать тоже не приходилось, и даже если капитан ущипнул цветочки с горной гряды на лету, высунувшись из кабины, это лишь еще больше указывало на адресата, ради которого можно делать пируэты в небе.

– Она сейчас будет, за второй партией ИП побежала, – дали капитану целеуказание морпехи. – Товарищ капитан, а...

Ни получить вопрос, ни тем более ответить на него вертолетчик не успел: к палатке торопливо шел Мережко. Развязавшиеся шнурки хлестали по ногам плетьюми, но он, всегда щеголь, на этот раз не замечал небрежности в экипировке. Его бесил приказ с непонятным исходом и спешка, с которой требовалось оседлать одну из горюшек, простреливаемую со всех сторон. А тут еще посторонние по лагерю, как гуси в проходном дворе...

– Дежурный!

Сержант едва не вынес на своих плечах палатку, как плащ-накидку, и памятником замер перед командиром.

– Почему посторонние на территории лагеря?

– Да это же капитан с «вертушки», на которой неделю назад...

– Я говорил, что любого заходящего на нашу территорию, вне зависимости от регалий, пугать так, чтобы потом воробей мимо них пролетал – а они боялись? Сдать повязку!

В армии нет у человека аксельбанта – нет при нем и адъютанта. Сержант, стянув с рукава красную полосу, из повелителя времени и душ солдатских превратился в неотесанную глыбу, случайно оказавшуюся на пути командира.

Голос Мережко не понижал, и прорезиненная ткань палаток превратилась в сплошное солдатское ухо. Городок затих, и только вертолетчик, оставшийся в одиночестве, продолжал покачиваться на ножках стула. Солнце слепило глаза, и он прикрыл веки, что давало возможность не смотреть на разбушевавшегося по поводу порядка в городке морпеха. Если кто не знает: когда Бог раздавал на земле дисциплину, летчики были в воздухе.

– Товарищ капитан, попрошу вас...

Капитан приоткрыл один глаз. В мареве изламывалась фигура солдата, первым попавшегося под руку Мережко и произведенного в дежурные. Идет изгнание из рая. Значит, табачок окончательно врозь. Но ничего, Устав – он на всех один, и тут еще надо посмотреть, кто знает его лучше.

– Товарищ солдат, вас что, командиры не научили обращаться к старшим по званию?

Голос тоже не понизил. Не дело, конечно, двум офицерам

при подчиненных выяснять, сколько стоят две копейки, но раз пошла такая пьянка...

– Вспомните Устав Внутренней службы и обратитесь строго по нему.

– Товарищ капитан, разрешите обратиться?

– Не разрешаю!

Все! Устав соблюден, ответ дебильный, из которого нет выхода, потому как его разработчики не могли даже предположить подобное. Но да, он, капитан Руслан Летников, просто не разрешает младшему по званию обращаться к себе. Извини, конечно, парень, но... Не я войну начал. И имею право вновь прикрыть глаза.

Послышались шаги Мережко – тяжелые и стремительные одновременно, наверняка выбивавшие искры из каменной крошки. Будет сшибать стул с разгона? Главное, не открывать глаза. При грозе это лучшее детское средство спасения. Вот рядом. И – мимо! Конечно мимо, что он сделает. Хлест полога в палатке. Тявкнула, словно собачонка, задетая ногой гитара. Вот и вся музыкальная комедия, и стоило ли начинать? Зато можно теперь уходить. Самому, а не под конвоем.

Капитан собрал на колене окончательно поникшие цветочки, потянулся за автоматом, дежурившим у ножки стула. Тот, предатель, юркнул от страха перед морпехом за спину хозяина, и Руслан встал. Где ты, подлый трус? Выползай.

Автомата не было! Ни под стулом, ни в собственной тени Летникова, ни около палатки. Куда положил-поставил?

– Дежурный, общее построение, – словно выходя теперь уже на арену цирка, распахнул полог палатки Мережко. С автоматом на плече. Ясно, что со своим. Остановился рядом с Летниковым, но словно пустой стене сообщил: – Извините, у меня построение. Прошу покинуть расположение.

– Не задержусь. Сейчас автомат отыщем...

– Оружие свое надо беречь. Солдат без оружия как... ясно что в проруби.

Не уничижительное сравнение, а усмешка в уголках губ не понравилась вертолетчику. А что, если... Нет-нет, не может быть! Но и мимо стула проходил только он, Мережко. Он подхватил автомат? Бредни! Ведь это оружие, а не бутерброд для Халявы.

– Он стоял у меня здесь, – указал Летников даже не на стул, а на саму тропинку, по которой проходил морпех.

– Ничем не могу помочь! – О, как насмешливо вновь тронулись уголки губ. И впрямь коверный в центре цирковой арены. Уважаемая публика. Впервые на арене. Алле-оп! – Становись!

– Но автомат... Я не уйду без оружия!

Над городком пролетела на форсаже «Сушка», затмив все переговоры.

– Ничем не могу помочь! – не потратился на лишние слова старший лейтенант, едва стих небесный гром.

Летников снова осмотрелся вокруг. Да не может такого быть, чтобы оружие пропало. Что за игры?

Вытерев пот со лба, поежился от озноба. Взгляд раз за разом притягивался к приоткрытому положу палатки, единственно оставшейся не осмотренной. Бликуют, смеясь прямо в глаза, пластиковые бутылки с водой, висящие по ее углам на случай тушения искр из «буржук». Пожар уже есть, уже надо гасить тревогу, Мережко. Не солдаты же позволили себе так шутить!

Из-за палаток выпорхнула Алена с охапкой перевязочных пакетов. Уперлась в солдатский строй перед собой, хотела увернуться – укололась об Руслана. Верхний пакет выскользнул из рук, девушка попыталась поймать его, да только кто ж без подготовки сможет жонглировать двумя десятками тугих медицинских скруток?

Сержант, не успевший отвыкнуть от роли дежурного, дернулся из строя на помощь, но команда от Мережко не продублировалась, и наклонившаяся камуфляжная гора восстановилась, замерла на прежнем месте. Не успел подбежать в своей рясе и показавшийся батюшка, хотя какой жонглер из однорукого? Ретивее всех оказался вертолетчик, но и ему досталось лишь собирать рассыпавшуюся медицину под взглядами пехотинцев. И только Мережко остался безучастным к происходящему. Не только приказ командующего группировкой был тому причиной. Еще вчера медсестра шептала ему: «Засушу все твои поцелуи. Закатаю на зиму в банку, а когда тебя не окажется рядом, буду доставать по одному». А сегодня ей уже интересен спустившийся с небес летун? Вы-

гадывает лучшую партию?

Летников донес пакеты до своего стульчика, выложил на сиденье. Чтобы не ставить Алену в неудобное положение под солдатскими взглядами, кивнул ей и баюкавшему, словно ребенка, спеленатую культю священнику и направился к выходу. Не понимая, что произошло за время ее отсутствия, Алена беспомощно огляделась. Увидев упавшие на землю цветочки, подняла их, положила на ладонь, поскольку держаться на увядших ножках они уже не могли. И хотя требовалась подпись Мережко за полученные ИП, решила не вступать в мужские разборки. Петляя среди натянутых растяжек от палаток, заторопилась обратно в медбат.

3

А вот Летников вернулся достаточно быстро, Мережко только-только успел поставить роте боевую задачу.

Вместе с вертолетчиком к грибку часового подошел и незнакомый майор с аккуратной бородкой в сопровождении двух капитанов. Часовой, помятуя о гневe ротного, попытался преградить им дорогу, но майор с улыбкой показал удостоверение, да еще на всякий случай двинул вперед плечо с большой звездочкой. Как ни страшен был командир для часового, но от него в худшем случае ему светил наряд вне очереди, а тут шла прямая угроза уйти под трибунал.

– Старший лейтенант Мережко? – поинтересовался для

порядка старший группы у вышедшего навстречу офицера. – Майор Павлов, особый отдел. Женщина... – позвал идущую через городок Зину. Та приосанилась грудью – первым и самым видимым, что всегда у той имелось под рукой. – Женщина, побудете понятой. Вы тоже! – узрел выглядывающую издалека, никуда не ушедшую Алену. Дождался ее. И для окончательного авторитета будущего процессуального действия едва ли не с хлебом-солью распростал обе руки перед священником: – Отец Иоанн, я вас тоже попрошу поприсутствовать. Пройдемте все в палатку.

Несмотря на то что края тента, как подол у юбки, были у нее закатаны, а внутренность продувал ветерок, внутри было липко и душно. Летников первым делом оглядел помещение, отыскивая автомат. Смотреть-то особо негде: кровать, тумбочка, стол, шкафчик. Майор с непроходящей ехидной улыбочкой, выработанной всесильностью должности, дождался, когда палатку покинут прибиравшиеся в ней пехотинцы, и только после этого протянул старшему лейтенанту листок. Чтобы не терять времени на чтение бумаги, пояснил и ему, и замершим от любопытства женщинам:

– В особый отдел группировки от капитана Летникова поступило заявление, что вы воруете оружие. Не исключено, что для возможной продажи боевикам.

Пока Мережко хватал ртом воздух, майор дал волю сопровождающим его капитанам:

– Приступить к обыску.

Старший лейтенант еще с первого раза не успел набрать воздуха, как он потребовался снова. А капитану хватило двух-трех движений, чтобы обнаружить автомат под откиннутым матрацем.

– Номер вашего автомата? – принимая находку от подчиненных, посмотрел майор на вертолетчика.

– ЛМ 13 84.

– Под матрацем на койке, принадлежащей старшему лейтенанту Мережко, – начал наговаривать протокол обыска особист, – обнаружен автомат под номером ЛМ – «Люба, Маша», номер 13 84, исчезнувший у капитана Летникова. Арестовать!

На запястьях старлея в ту же секунду щелкнули всегда готовые к подобной работе наручники. Не менее громко щелкнула челюсть Зины. Но здесь все понятно, про них ей даже мать говорила: «С такими челюстями похудеешь! Ешь как три козы сразу». Алена, ощущая слабость в ногах, ухватилась за центральный стояк палатки.

Вертолетчик потянулся за оружием, желая убедиться в точности цифр на ствольной коробке, но майор желанию не потрафил, оставил вещественное доказательство себе. Зато Летников перехватил умоляющий взгляд Алены. Она не то что просила спасти главного охранника «Тридешатого царства», в ее взгляде прочиталось недоумение: разве так можно? Ты так можешь?

Может. Вот так:

– Товарищ майор, я вспомнил. Извините. Но это я положил туда автомат. Мы пили чай, я и засунул, чтоб не облить кипятком. Старший лейтенант – гитару, а я – автомат.

Теперь в палатке вообще никто ничего не понимал. К старлею возвращалась незапятнанная карьера, к Летникову – оружие, к Алене – уважение. Зина, ставшая невольным и прямым свидетелем разыгравшейся прямо перед ее глазами драмы, предвкушала счастье – быть первой среди новостей «Тридевятого царства». Отец Иоанн, освобожденный от свидетельских показаний, невольно перекрестил своего избавителя-летчика. Все еще по привычке культей. И только майор, выставленный идиотом, пристально впивался взглядом в вертолетчика, пощипывая трехдневную, слегка тронутую седым инеем бородку: парень, это ты заварил кашу, и крайним лично я оставаться не намерен.

– Я забираю свое заявление, товарищ майор, потому что оказался неправ.

– Вы не просто неправы, товарищ капитан. Вы в боевой обстановке оклеветали командира подразделения. Вы понимаете, чем Вам это грозит?

Летников пока не понимал, но ради теплеющего взгляда Алены он готов был на многое. Да и не лег грех на душу, батюшка свидетель. Хотя морпех – полный кретин, которого стоило проучить...

– Вы точно...

– Точно, – практически эхом повторил вертолетчик май-

ора. И, как и он, посмотрел на понятых — для возможного протокола. — Я сам оставил автомат здесь. И забыл. Напряжение. После полета...

Майор кивнул подчиненным, те с неохотой сняли наручники с морпеха. А благодарность от начальства за бдительность была так близка...

Напряжения в палатке добавили ворвавшиеся командиры еще более высокого ранга — низенький, квадратненький вертолетчик полковник Громак и сам начальник гарнизона полковник Играев. Каждый из них подался к своему подчиненному, но возгласы получились практически одинаковые и одновременно:

— Наигрались? Орелики, ланцепупы, фунтуклеи! Делать больше нечего? Развели тут... — оглядели женщин, дав понять, что причина конфликта ясна, как песня чукчи, — ... царство!

Поняв, что их миссия свидетелей закончена, Зина и Алена с поклонами попятились от греха подальше. В палатке загрохотало, едва они добежали до грибка часового. Солдатик тоже с перепугу отдал им честь, собачонка Халява, пристроившаяся рядом в скособоченной от навеса тени, собственной шкурой почувствовала, что лучше не гавкать, но и не провозжать.

— Что это они? — спросила Зина, понимая, что все же пропустила какое-то главное звено.

— Все мужики — козлы, — подыграла продавщице Алена,

вспомнив ее определение мужскому полу. Разыгравшаяся из-за нее схватка ее совершенно не устраивала, не грела и не придавала авторитета, а если начнутся разборки, то в любом противостоянии любая копейка – союзник рубля. И Зину лучше держать в подругах.

– Козлы, – с сожалением согласилась буфетчица. – Да только бы все вернулись.

– Откуда? Что все-таки намечается?

– Говорили утром в очереди про Аргунское ущелье.

4

Среди всевозможных «прелестей» Аргунского ущелья Чечни, где основной помехой для войск являлась труднодоступность местности, оно славилось и добычей гравия.

Работа считалась достаточно легкой, приспособленной для лентяев: с вершины горы к подножию спускалась полуметровая металлическая труба со штырями внутри. Требовалось лишь подносить и бросать в жерло трубы камни, которые под собственной тяжестью летели вниз, самостоятельно дробясь в мельчайшую щебенку о штыри. И все бы ничего, если бы гравий не добывали русские пленные и рабы, пробивавшие в горах дорогу в приласкавшую боевиков Грузию. Время от времени «борцы за веру» бросали в трубу вместе с камнями провинившихся или ослабевших пленников – в назидание остальным. Имелось в такой публичной

казни и прикладное значение: на ней закаляли сердца и психику «воины Аллаха» из школы смертников, расположенной на соседнем горном плато.

Войска дважды пытались войти в этот район, но если на равнине для успешного наступления создается четырехкратный перевес над врагом, то в горах это соотношение увеличивается в разы. И нет разницы, какой век на дворе – XIX или XXI. Великая Отечественная лишь подтвердила данную стратегию. Так что 1 к 10 – и к гадалке ходить не надо, а тем более заканчивать академию Генштаба.

К чему-то подобному, судя по всему, готовилась и рота Мережко. Десятки будущих погибших еще подкрашивали белилами камешки вдоль дорожек, доедали штык-ножами перловку из нанизанных на шомпола, подогретых на костерке банок. Исходя из этих деталей, выход намечался ближе к ночи, хотя влезать в ущелье в темноте... Значит, соотношение становится 1 к 15 как минимум. И тут хоть десантную, хоть морскую тельняшку на груди рви, а... а маленькая собачка – она всегда в глазах щенков, наступающий всегда на мушке обороняющегося. Стариков бы деревенских генералам послушаться: если пить, то на своей меже...

– Так куда, что? – вернувшись перед ужином за подписью, тронула за руку командира роты Алена.

– Каменоломни в Аргунском, – не стал делать секрета из общеизвестного старший лейтенант, выбривая ямочку на подбородке.

Электробритва от недостаточности тока уже нагрелась, уже можно было мазаться кремом, но Мережко не изменял себе: за ворота лагеря офицеру Военно-Морского флота позволительно выходить лишь гладко выбритым и отутюженным. Даже если вместо свидания с дамой в ресторане его ждали в ущелье головорезы Хаттаба.

– Я буду ждать, возвращайся. – Похоже, Алена окончательно определилась между соперниками. И чмокнула старшего лейтенанта сверху в затылок, где вили гнезда две макушки – народный признак того, что человек будет женат дважды. А тут хотя бы один раз...

Признание прозвучало вовремя – в палатку втиснулся батюшка. Соблюдать деликатность в палатке сложно: дверей нет, стучать не по чему, а отцу Иоанну еще и не было чем, поскольку в единственной руке он держал за лямки рюкзак. Попросился голосом:

– Разрешите?

Глянул на медсестричку, помялся, но посчитал ее доступной для собственной просьбы:

– Товарищ старший лейтенант, возьмите меня с собой. Я знаю все в лагере пленных. Пригожусь.

Электробритва какое-то мгновение стригла воздух, замерев в руке морпеха. С военной точки зрения лучшего проводника и желать не приходилось, но...

Бритва вернулась к подбородку, но тут же замолкла: электричество от генератора вырубилось окончательно. Но Ме-

режко продолжал сидеть без движений. Нежданная просьба батюшки ему была особо приятна тем, что после стычки с вертолетчиком и особистами палатка его не только не опустела, но и наполняется новыми людьми. Только и цена вопроса несоизмерима.

– Я в штаб группировки, – дал себе люфт на отказ Мережко. Хотя можно и доложить руководителю операции о батюшке и уже с чистой совестью сообщить тому предсказуемый итог. – Так, здесь все подписано, – передал листочки Алене, – а вы подождите меня.

Тронул на ходу струны гитары: ты тоже подожди. На улицу вышли вместе с Аленой. Солдаты шныряли уже с оружием в руках, в банданах на головах, и это снова красноречивее всего говорило о приближении выхода.

– Может, успею купить чего? Я к Зинке в Военторг могу заглянуть, там черешню завезли, – позаботилась Алена о разрывающемся на минутки Мережко.

– Черешня – это хорошо. Но – время. Я побежал. До возвращения.

На удачу, вдоль колючки пролетел какой-то сумасшедший БТР, подняв столб пыли. Свои-то ездят по-кошачьи, если и поднимая пыль, то по щиколотку колес, а тут залетный дал возможность спрятаться от всех в бархатной завесе, поймать руки друг друга, даже прижаться на миг. Но когда воздух, как вода в океане, абсорбировался, очистился от пыльной взвеси, Мережко в расположении роты уже не было.

Ровно через сутки его имя зазвучало и не сходило с уст в штабе группировки. Вызванный к командующему полковник Громак застал там Играева, который перед заходом к генералу успел сообщить причину вызова:

– Мережко тяжело ранен. Его группа в засаде.

Вбежавший вслед за вертолетчиком в приемную Сердцев знал меньше всех, но времени на объяснения не оставалось, и адъютант распахнул дверь в кабинет генерала.

Тот вышел навстречу, пожал руки, разрешая не представляться по-уставному. Время, судя по всему, не терпело, но он замер у окна, глядя вдаль со второго этажа бывшей сельхозконторы, приспособленной под штаб. Офицеры ждали. Месяц назад у командующего в совершенно неожиданной засаде там же, в Аргуне, погиб сын, и, возможно, он примерял ситуацию с Мережко вновь на себя. И в который раз наверняка крутилось сомнение: а все ли сделал для спасения сына?

Вообще-то Чечня многим удивляла, и в первую очередь Москву. Как там в песенке:

Нам давала ордена
Удивленная страна:
Умный, мол, ворует,

А дурак воюет.

И пока министры делили заводы и фабрики, депутаты – влияние на этих министров, пока телевизионщики поносили армию и ее командиров, эти самые генералы закрывали бреши своими сыновьями: семь офицеров, надевших в свое время погоны по примеру отцов-генералов, остались не в Арбатском военном округе протирать штаны, а полегли на склонах и в ущельях Чечни. Статисты вдруг обнародовали и другую удивительную цифру: процентное соотношение офицеров, закрывших своей грудью от пуль солдат, превысило показатель Великой Отечественной войны, когда именно солдаты закрывали собой командиров. Что-то поменялось в обществе, но стоящие в кабинете офицеры и генерал, сами отцы, сами не менее других желавшие, может быть, отдыхать на Канарах, думали не о нефти, яхтах, яйцах Фаберже, фотографиях в глянцевых журналах, а о спасении подчиненных. «Тридевятое царство» выбивалось из общего ритма, задаваемого Москвой, оно казалось другой планетой, населенной инопланетянами. А по сути «совками», «рашкой», потому что от них за версту несло Советским Союзом, где за людей не только волновались, но и несли моральную ответственность. И понятие Родины сошлось на конкретном человеке – морском пехотинце, старшем лейтенанте из тридцать девятого автомобильного региона.

– Группа блокируется на этой высоте, – ткнул генерал ка-

рандашом в коричневые извивы с зелеными кляксами лесов. Громак по летной привычке распахнул планшетку, «перенес» район на свою, более подробную карту: в воздухе на это времени нет, и хотя никто пока в полет не посылает, ясно, что это всего лишь вопрос времени. Затоптался на месте. ясно, куда бежать, но пока неведомо, что делать. – Старший лейтенант Мережко ранен, осколок застрял в голове, требуется срочная операция. Если до утра и доживет, то станет... дурачком.

Генералу не хотелось произносить этого слова, но иного не подобралось. А может, он просто повторил слова батальонного врача, передавшего о состоянии командира. Посмотрел на Сердцева. Тот непроизвольно дернул головой: и дурачком вряд ли будет, потому как до утра не доживет.

– Как быстро может добраться техника в этот квадрат? – повернулся командующий к Играеву.

– Я бы ее не рискнул посылать, товарищ генерал. Пожгут. Дорог особых нет, имеющиеся заминированы. Ночь впереди. Пожгут.

Это командующий прекрасно знал и сам. Словно информация вновь, как и с сыном, ушла из-под рук – по крайней мере, встречи с Хаттабом хотя и искали сами, но надеялись на столкновение хотя бы к утру. опередил араб, львом прыгнул, учуяв наживу. Потому и держал генерал последнее слово за вертолетчиком, своей крайней палочкой-выручалочкой. Плотный, коренастый, которого одень в «граждан-

ку» поплоче – и покажется вылитым докером-механизатором, то есть грузчиком в порту, ему и придумывать ничего не осталось, кроме как встать по стойке «смирно»:

– Если взлетать немедленно, до наступления темноты можем успеть.

– На гору садится туман. Видимость 300 на 3, – проявил свои навигационные познания генерал. Значит, нижняя граница видимости – 300 метров, по горизонту – 3 километра. Пока терпимо, но наверняка все будет меняться только в худшую сторону. И все же основная беда в другом: при наличии «духов» второй вертушке не приземлиться, ведомому придется кружить рядом и отбиваться.

– Сколько человек забирать с раненым?

– Всех! Это 35 человек. Они свою задачу выполнили.

Офицеры удивленно посмотрели на командующего. У Игараева свои брови наверх: операция сворачивается не начавшись, а командир говорит об ее выполнении? Громаку своя головоломка: морпехов высаживали три вертушки, а забирать на одной? Но из штанов еще никто не выпрыгивал, такое количество народу просто физически не втиснется в машину. Тут, если по-честному, хотя бы одного Мережку вывести...

– Товарищ командующий, если лететь – то лететь. Время, – посмел поторопить начальство вертолетчик. – Количество – оно потом, по ходу движения, сначала надо добраться до крайней точки.

– Товарищ генерал, будет правильно, если полечу и я, – вдруг сделал шаг вперед Сердцев. – И на месте буду ориентироваться на состояние раненого.

Возможно, именно это и хотел услышать от подчиненных генерал. Чтобы без приказа. Потому что в горах для них все будет не то что непредсказуемо, а обреченно.

– Действуйте! Остальные вопросы по авиации буду решать с вашим начштаба, его срочно ко мне. Полковник Игараев, оставайтесь.

К аэродрому Громак и Сердцев бежали, прекрасно зная, что бегущий офицер в мирное время вызывает улыбку, а в военное – панику. Указания отдавали и получали ответы по рациям на ходу.

– Товарищ командир, в районе видимость 100 на 1.

– Черт...

– Товарищ подполковник, хирургическая сумка доставлена.

– В кабину! Со мной хирургическую сестру.

– Сестру отставить, лишнее место. Батальонный врач будет на подхвате.

Аэродром. Как же тревожно кровав сегодня закат, удлиняющий вдвое самую малую травинку.

– Товарищ полковник, экипаж к полету готов!

– Экипажа не будет. Лечу один.

Возглас удивления второго пилота утонул в грохоте – из салона «Ми-8» выкатился на бетонку желтый, дополнитель-

ный топливный бак, занимавший едва ли не одну треть «вертушки». Значит, демонтировать успели и минимум еще человек семь втиснутся. Вместо второго пилота и бортехника – еще двое. Хотя нет, один. Сердцев же летит! Сидячих мест 17, как в московской маршрутке. Если набить народ вповалку, как дрова, авось все 35 и втиснутся. Но раненого ведь придется укладывать на пол да освободить простор для врача. А это сразу минус семь-восемь человек...

Словно Копперфильд, беспрепятственно прошел сквозь тень вертолета. Взбежал по пружинистым ступенькам в салон. Едва не поскользнулся на коврике, заботливо постеленном перед кабиной: бортехник так и не закрепил его. Не хватало еще спотыкаться перед полетом. Значит, получит по полной. И зря, ох зря подумал об этом под руку, а точнее, под ногу: споткнулся вновь, на этот раз о бронеплиту, укрепленную под сиденьем. Чур, не нас, и третьего раза не будет. Забыли о приметах! Сердцев захлопнул дверцу и остался стоять за спиной, упершись руками в проем. Опытный: в вертолете абсолютно не страшно лететь, если смотришь вместе с летчиком через стекло вперед.

Громак утвердился в кресле. Пристегнул ремни, надел ЗШ – защитный шлем. Летчики, по сути, правосторонние участники движения и ПДД, поскольку место командира, как у водителя авто, слева. Так что не японцы с праворульными машинами и не англичане с угандийцами с левосторонним ходом – русский боевой летчик занимает свой эше-

лон. С Богом! Буквально вчера борттехник, выцыганивший у калининградцев янтарную иконку с Николаем Чудотворцем, по сговору со вторым пилотом прикрепил ее к панельной доске. Что ж, помощь свыше, скорее всего, сегодня не помешает. Благо, и ставший напротив кабины батюшка осенил искалеченной рукой машину белым крестом.

– Я – Мотоцикл-333. Запрашиваю погоду.

Не взлет, не поддержка и взаимодействие – царицей войны для вертолетчиков является именно погода в районе боевых действий.

– Видимость 50 на 0,5.

Предел. Ниже нижнего. При 100 на 1 в небо поднимаются только летчики 1-го класса, а когда видимость до земли всего 50 метров и 500 по горизонту – это что кораблю в сплошной туман плыть среди рифов без каких бы то ни было ориентиров. Ну, товарищ Сердцев, держись. Будем надеяться, что твоя новая фамилия все же пересилила предыдущую.

Руки в привычной последовательности, практически вслепую защелкали тумблерами. Пропустил только висящий над головой вентилятор: не жужжи, не мельтеши, не отвлекай. Вертолет задышал, в нетерпении пружиня на резиновых круглых лапах. Словно самурайскими мечами, начал вертеть и кромсать винтами небо над собой. На приборной доске вместе с десятком стрелок задрожала и прямо на глазах отстала от панели иконка Николая Чудотворца, укатилась прямо к красноватому от заката стеклу. Что за приметы сегодня!

Хотя кто тут выдержит постоянную вибрацию, кроме самих летчиков? В боковой блистер, наполовину укрытый бронешитком, увидел, как в стремлении не отстать от командирской машины разгоняла винты «восьмерка» ведомого. Кто там запрыгнул на сопровождение?

– Я – Мотоцикл-12, к работе готов.

Руслан Летников? Этот ланцепуп и фунтуклей, посмевавшийся вчера поставить личные амбиции выше армейского товарищества? Почему за штурвалом? Утром перед строем ведь лично расписался под приказом об отстранении его от полетов, вплоть до выяснения всех обстоятельств по утере оружия и личному поведению! Вкупе с выкрутасами Мережко, конечно, но тот лежит с осколком в голове, рваные края которого царапают мозг. Война большая, а воюют одни и те же...

Что-то менять времени не было. Скорее всего, капитан просто первым прибежал на взлетное поле, когда он дал команду начштаба незамедлительно готовить «пару» на взлет. Любой разбор, начиная с коврика, по возвращении. А пока прокатимся. По ухабам, раз связисты обозначили эскадрилью на этот радиосезон мотоциклистами. Только вот 50 на 0,5 – это совсем плохо...

Набрав упругости, «Ми-восьмые» оторвались-таки от решетчатых железных настилов, на которых, как на насесте, готовились заночевать. Едва приподнявшись над землей, летчики увидели вдали, у подножия гор, белые полосы, подсве-

ченные красными отблесками. Туман ложился плотно, пеленая собой, как бинтами, израненные чеченские горы. Где-то в них вцепилась в одну из вершин группа Мережко. До утра не дотянет не только командир, но и весь десант: за ночь Хаттаб покроет расстояние до горы. Боеприпасов морпехам хватит не более чем на два часа боя. Зачем так бездумно бросали мужиков на заведомую гибель? Смотрим карту. Где-то мелькала дорожка по склону. Хотя и она в тумане.

– Роспуск! – дал команду ведомому.

На языке летчиков – «расходимся, пробиваемся в точку каждый самостоятельно». Сам перешел на шаг-газ, снижая рычагом «вертушку» и подныривая ею под белое одеяло. Скосил глаза влево на радиовысотомер, который только и мог помочь при полете на ПМВ – предельно малой высоте. Больше обычного задрожал Николай Чудотворец, вместе с усилием машины стараясь удержать ее на вытянутую руку от склона. На нем обозначилась более светлым фоном уходящая вверх тропинка, и, едва ли не став передним колесом на нее, Громак «запрыгал» по ней. Со склона сметалась каменная крошка, секла не успевавшие отбежать и спрятаться в пелене кусты. Главное, чтобы не выбежали навстречу любопытствовать на суматоху дубы, которые можно задеть лопастями, а тем паче «духи». Расстояние – из рогатки подбить можно. Что же так сердечко у Сердцева колотится! Дрожит один человек, а трясет всю машину! Надо будет подколоть по прилету. А вот Летникова не видно. Парень хороший, но

в небе от авиации требуется только опыт и ничего, кроме мастерства. Шустрые – они не всегда помощники, к сожалению. Как же вывозить людей? Двумя ходками? Дай Бог назад спуститься этим же маршрутом-тропинкой, хотя люди Хаттаба наверняка уже бегут на звук...

Тропинка не только не давала потеряться в мутном пространстве, она ухитрялась и бежать впереди вертолета, огибая валуны и чудом удерживаясь на обрывах. Вместе с ней огибал опасные места и Громак, опасаясь споткнуться и сломать «восьмерке» переднюю ногу, а себе шею. В какой-то миг серой бурой громадой спящего медведя посреди тропы вырос валун, приглашая посидеть, отдохнуть, поразмышлять о бренности жизни. Потом, это тоже потом. Пока же первым делом хочется ослабить хватку шаг-газа, через рычаг которого идет дрожь до самой макушки. Не будь ЗШ, мозг бы вылетел от этой трясучки.

– Вон, вон, – не услышал, конечно, а увидел Громак палец врача, уткнувшийся в стекло. Господи, сколько на нем налипшей мошкары, только сейчас стало заметно. Борттехник после предыдущего полета не отдраил, оставил, надеясь на выходной. Все же получит свое «от» и «до». И за коврик тоже.

В белой пелене запрыгали несуразные тени. Почему-то люди всегда прыгают, когда видят спасение с неба. Сейчас, мужики, сейчас. Только левым колесом приткнуться к тропинке, все легче держать махину. Это в небе она кажется

легкой птичкой, а попробуй, удержи одним рычагом семь с половиной тонн. Это все равно, что стоять на стуле с одной ножкой...

Вертолет качнуло: Сердцев распахнул дверцу, сбив, нарушив поток воздуха. Морпехи, упираясь, уже несли сквозь ветер на руках раненого, а целая группа, ошестинясь автоматами, прикрывала командира живым кольцом. Приказ на эвакуацию, видимо, им уже поступил по радиации, и щупленький морпех, по распоряжениям рук которого можно было догадаться о его офицерском звании, выстраивал очередность посадки.

– Сначала всех в хвост, потом раненого! – прокричал, сдвинув окошко, Громак.

Офицер не расслышал, его занимала погрузка командира, и Громак обернулся через плечо: ведь догадаются же не ногами вперед заносить и укладывать. Все же ногами! Но зато под правую руку врачу. Пусть разбираются. Главное, мимо окровавленного старлея, даже без сознания лежавшего на полу в струнку, аккуратистом, протискивались в хвост салона десантники. Ох, ребята, быстрее. И дурацкий шлем, из-за которого не смахнуть пот с бровей!

– Быстрее, – шептал Громак, хотя морпехи и так едва не затапывали командира.

Один курносый, шмыгающий носом солдатик, боясь задеть синхронные с командиром педали и штурвал, залез с ногами на место второго пилота. Еще один уселся в проеме

кабины, подстелив, стервец, путавшийся у всех под ногами коврик. А за бортом все оставались и оставались люди во главе с щупленьким взводным и охранявшим его огромного роста сержантом.

Офицер, заглянув в салон, обернулся и скрестил для оставшейся семерки руки перед собой. Для водителей это знак – глушить мотор, но и для пехоты все понятно. Мест больше нет.

Страшны руки, которые опускаются вместе с оружием! В них столько обреченности, тоски и отчаяния, что поневоле поверишь: именно к ним первым приходит осознание предстоящей трагедии. Да и не скрывалось ведь – прогнозируемые потери один к десяти. Даже к пятнадцати. Хотя семь – тоже много...

Вертолет покачивало, и десантники, ощущая его неустойчивость, лежали не шевелясь. Громаку наконец удалось резким движением головы сбить с бровей огромные водяные шары пота. Но что же с вами делать, братцы остающиеся? Хоть за колеса хватайтесь, как лягушка-путешественница.

– Цепляйтесь за шасси, – мысль, навеянная сказкой, еще не успела стать зримой, а уже сорвалась с языка. «Вертушка» заваливалась. Ей, не цапле, стоять на одной ноге без умения ловить равновесие, держась лишь на воздушном вихре от винтов, становилось все сложнее, и неожиданная сказочная подсказка несла выход из тупика.

– Цепляться, цепляться за шасси! – прокричал Громак в

салон, надеясь на передачу команды по цепочке.

Прошла! Морпехи побежали под брюхо «восьмерки», на ходу снимая автоматы и удлиняя на них ремни. Все правильно, можно пристегнуться за стойки шасси, балочные держатели и блок под «нурсы». Имея по двадцать неуправляемых ракетных снарядов под задницей – где еще так прокатишься? Не лягушки, а чистые бароны Мюнхгаузены. Пробуйте, мужики. Авось получится!

Подгоняя десантников и пробуя на вес машину, слегка качнул ее. Сидевший на кресле, как на насесте, солдатик замахал руками – вниз, не успели, назад. А машине хотелось упругости, она рвалась в небо, – пусть стылое, непрозрачное, но там был воздух. А в воздухе везде опора.

Сердцев, став на колени перед Мережко, уже осматривал металлический кусок, торчащий над ухом старшего лейтенанта. Поймав взгляд Громака, умоляюще выкрикнул глазами: «Быстрее».

Сам понимал, что его просьба ни на секунду не сдвинет время и возможности, молниеносно надел белые перчатки, протянул руку к батальонному врачу: инструменты. Значит, операция без промедления. Солдатик, державший голову командира в ладонях, отвернулся. Может, даже не из-за вида крови, сочившейся по металлу и собирающейся красным озерцом в его ладонях, а что впервые видел своего командира осунувшимся, пыльным и небритым. Значит, точно война. И если даже ротного достал осколок, то что говорить об

обычном солдате!

Громак, опережая врача, вновь качнул вертолет, проверяя «лягушек». Петушок на корточках на этот раз промолчал, и полковник начал осторожно крутиться вокруг собственной оси. И чтобы лично убедиться, что никто не оставлен на склоне, и давая возможность привязавшимся, вцепившимся мертвой хваткой за что ни попадя морпехам привыкнуть к высоте и качке, и принаравливая врача к вибрации, и отыскивая дорожку домой. С горы домой должно получиться быстрее.

И пошел вниз «Ми-8» – многоцелевой, второй в мире по применению, боевой транспортный. И висели на автоматных ремнях пехотинцы, перебирая в воздухе ногами, словно шли по небу. И колдовал вокруг осколка подполковник Сердцев, сам постанывая от боли, потому что собственные ранения не предусматривали столь долгого стояния на коленях. И перед самым вылетом из тумана, там, где тропинка первый раз приглашала отдохнуть при походе к вершине, из-за валуна-приманки раздались выстрелы. Успел, успел Хаттабушка превратить дорожку спасения в тропу войны. И некуда было деться от огня «лягушатам» на внешней подвеске. Да и брюхо машины для разрывных – что фольга для иголки. А Мережко распластался как раз по центру днища, как «десятка» в мишени, так что все пули, даже случайные – его. И нет возможности шугануть «нурсами», так как висят и сидят на них орелики, фунтуклеи и ланцепупы. Морская пе-

хота Балтфлота, гордость и краса армии. Переусердствовали лишь конструкторы, когда при усовершенствовании «восьмерки» убрали курсовой пулемет в хвост машины. Или не ведали, что русские чудеса на сказках не заканчиваются и может случиться так, что в салоне не окажется бортехника, он же стрелок? И туман, еще минуту назад проклинавшийся, вдруг оказался хоть и тончайшей, как вуаль, но последней и единственной защитой. Как же быстро она истаявала!

Зато усиливался огонь с земли. Трассеры прошли перед кабиной, перед взором Николая Чудотворца, и даже попытавшийся отвернуться от них петушок на жердочке все равно увидел их росчерки на стекле защитного шлема летчика. А у забортной семерки, ставшей живыми мишенями, принесенными «духам» на блюдечке с голубой каемочкой, руки должны были опускаться не на горе, а сейчас. Потому что, оставаясь даже в одиночестве на вершине, они имели хотя бы теоретический шанс остаться в живых. Хоть кто-нибудь...

Но когда первый толчок от попадания пули ударил под бронеплитой, из вечернего сумрака и грязного тумана вынырнул «Мотоцикл-12». Летников, круживший в зоне досягаемости. Прежде чем Громяк вышел с ним на связь, ведомый поднырнул и стал под «восьмерку» командира. И вся разрывная свора, предназначавшаяся «Триста тридцать третьему» с его грузом, полетела ему в брюхо. В его лопасти, его хвостовое оперение, в стертые, без единого намека на протекторы, колеса. Кто там вел статистику, что командиры

в Чечне заслоняют собой подчиненных? А ведь у него полный дополнительный бак керосина на сотни литров. Размером на треть салона. Держись, «Двенадцатый». Судьба и связисты не дали же тебе тринадцатый номер, приберегали для чего-то. Пусть это будет день нынешний.

Огонь ослабел: все же не все «духи» успели выйти на перехват, добежали лишь самые шустрые. И понеслись «вертушки» к себе домой в «Тридевятое царство». Громак, выносящий из боя всех до единого морпеха. Летников – пустой, но с двумя десятками пробоин в фюзеляже. И полулежа, не надеясь больше на свои ноги, которых просто не чувствовал, перевязывал Мережко подполковник Сердцев. Шептал больше успокоительно для солдатака, помогавшего держать голову:

– Ничего. Теперь все обойдется. Еще, даст Бог, и послушим.

И светил верхний краешек закатного солнца прямо в глаза Николаю Чудотворцу, оказавшемуся ближе всех к родному аэродрому. А с него, с родной бетонки, выстраиваясь клином, поднимались все имевшиеся в распоряжении командующего «восьмерки» с новым десантом на бортах. «Тридевятое царство», освещенное одновременно и солнцем, и электрическим светом, посылало своих воинов в темноту и мрак ущелий, где кишели твари, бросавшие людей в жерла камнедробилок. И в проеме первой машины стоял с сияющим крестом на груди батюшка Иоанн, вглядываясь в земные ориентиры, по которым месяц назад выползал из ущелья. Един-

ственный за все годы войны, кто смог это сделать. Издевалась охрана, заставляя одного из местных мулл, не принявшего новые порядки в Чечне, впрягаться в телегу и возить православного батюшку под кнутами любопытных. Не выдержав издевательств, в один из таких заездов он опрокинул телегу с отцом Иоанном с самого крутого обрыва, по которому охране было быстро не спуститься. По кому стреляли боевики – по нему, кувыркающемуся вместе с камнями, но (!) не в трубе, или решившему умереть мулле, то осталось неизвестным. Дай Бог, сейчас прояснится, когда отряд Мережко оттянул на себя с каменоломни основные силы банды Хаттаба, а генерал дал команду на начало основного этапа операции по освобождению пленных.

На кромке оставшегося пустым аэродрома лишь стояла, не выключая мотора, «санитарка» в ожидании Мережко. Алена, не сдерживая эмоций, металась перед включенными фарами, путаясь в лезущей под ноги Халяве, оставшейся без хозяев. Обоих остановила Зина с огромным пакетом.

– Не метусись. Смотри, черешню перебрала. Половина гнилой пришло. Но для ребят отобрала. Я ж их просила вернуться! Халява, фу, тебе ничего нет. Ой, что это? Падают? – Села от неожиданности на бампер «санитарки», увидев болтающихся под вертолетом людей. Завыла и собака, с тревогой задрав мордочку: это нормально ведь, да? Это хозяева всегда так возвращаются домой? Не страшно?

Подивиться чудом подскочил на «уазике» и майор Петров

с двумя неразлучными сопровождающими. Капитаны зашли с двух сторон осевшей под весом продавщицы машины, тоже уставились в небо. Лишь майор сумел сохранить невозмутимость и, подойдя к медсестричке, поинтересовался с неизменной улыбкой, словно не запомнил при обыске в палатке Мережко:

– Алена Маликова?

Та настороженно кивнула, хотела отойти от любопытного особиста, но по бокам уже стояли капитаны. И не успела Зина от удивления выронить пакет с черешней, как на запястьях дюймовочки щелкнули наручники.

х х х

«Командующему объединенной группировкой войск (сил) на Северном Кавказе.

Рапорт.

В результате оперативно-розыскных мероприятий, проводимых в рамках обнаружения источника информации боевиков, задержана Маликова А.С., завербованная два года назад в Москве представителями одной из исламистских группировок, запрещенных на территории Российской Федерации. Наряду с отвлекающим десантом ст. л-та Мережко была организована утечка срочной оперативной информации для пяти человек, попадавших под подозрение. Методами и средствами радиоэлектронной борьбы выявлен ис-

точник, державший связь с посредником Хаттаба. Им оказалась служащая Российской Армии хирургическая сестра медико-санитарного батальона Маликова А.С., вышедшая на связь с находившимся под электронным контролем посредником.

Данный случай показывает, что на территории России осуществляется вербовка лиц славянской национальности, в том числе и женщин, с целью их проникновения в органы государственной власти, воинские части, непосредственно ведущие операции по установлению конституционного строя в Чеченской Республике.

Задержанная Маликова А.С. дала первые признательные показания.

Более подробная информация будет изложена в докладной записке.

Начальник особого отдела группировки войск (сил) на Северном Кавказе
майор Павлов».

Свете тихий

Возле магазина ходила женщина с топором.

Скорее всего, она просто кого-то ждала, но Дима Кречет попятился. Только что в приемной главы района секретарша, принимая у них с Сергеем куртки, поинтересовалась, добрая душа:

– Можно вас повесить на один крючок?

Фраза не имела никакого подвоха, но они-то помнили, что приехали не просто на родину своего друга, а в партизанские края. Так что и за топором не лишним было бы присмотреть.

– Пароль «Сорок девять», – прошептал Кречету Сергей, благословляя того на штурм стеклянной дверной амбразуры хозяйственного магазина.

С современными паролями гуманитарии, вроде Димки Кречета, на войне первые кандидаты на отстрел. Названия городов или абракадабры про «славянские шкафы» канули в лету, уступив место всесильной цифре. Да и что может быть проще для распознавания врага: начштаба назначает паролем любое число, и часовой уже не кричит: «Стоять. Кто идет?» Он сам называет первую пришедшую на ум цифру и ждет с автоматом наизготовку, когда неизвестный прибавит к ней недостающие баллы. Арифметика, третий класс. Но Кречета боец под Пальмирой уложил мордой в вековую сирийскую пыль как раз после того, когда тот не смог быстро

вычесть из сорока девяти услышанные «тринадцать».

Стражнице у дверей дела до посторонних не оказалось, в магазине они тоже пришлись не ко двору: продавщица дремала, улегшись тройным подбородком на руки, мягкой периной разложенные по прилавку. Разлеглась бы наверняка и пошире, но локоть упирался в объявление: «Продаю свежий навоз. Самовывоз».

Вошедшим требовался амбарный замок, но Кречет не забыл про подначку с паролем и кивнул на объявление:

– Грамм двести пятьдесят не взвесите? Товарищ выращивает кактусы...

Заканчивал просьбу шепотом: над прилавком начало вставать что-то могучее, колышущееся, заполняющее собой место что вширь, что в высоту, а потому способное ухватить гвардии майора за шиворот и все же повесить юмориста попартизански на персональный крючок. Выручая друга, Сергей затараторил о замке, заплатил за первый попавшийся и вытолкал Кречета из дверей.

На улице к женщине-лесорубу подкатил на разномастном мотоцикле муж. С головы на голову пересадил ей свой шлем, себе достал из коляски сетку от пчел. В два прыжка, три прихлопа завел смесь «Урала» и «Явы», шумахером погазовал перед стартом. Мигнув, как макака, красным задом, мотоцикл умчал топор в гудящий комарьем Брянский лес, выглядывающий из-за последнего уличного дома.

– Мужики! Сливы не нужны? – раздалось за спиной у при-

езжих. – Возьмите. А то у меня свиней нет, скормить некому. Пропадут.

Два ведерка желтых, готовых от одного прикосновения брызнуть соком слив предлагал тщедушный мужичок-старик. Он был минимум трижды не брит, майку прикрывал скособоченный плащ, но исцарапанные колючками пальцы цепко держали ведра.

– Всего-то за 50 рублей. – Уличного торговца привлекли, скорее всего, столичные костюмы и галстуки потенциальных покупателей. Москвичи для Суземки виделись людьми добрыми: за 50 рублей они могут проехать лишь один раз на метро, а тут – два ведра слив, выращиваемых целый год. Выгоднейшая сделка, кто понимает хоть что-то в торговле.

Но она даже добрым москвичам была неинтересна, но, затягивая паузу, мужик переключился на двух кошек, бредущих вдоль забора:

– О, две варежки идут. Одна будет черная, другая рыжая... А навоз у Клавки не берите. Кто берет – потом пять лет вообще на огороде ничего не растет. Даже бурьян. Выжигает. Во питание...

– Васька, не морочь людям голову. – Вслед за кошками шла аккуратно одетая старушка-гимназистка с прутиком, которым, как гусей, направляла их домой. – Иди приведи себя в порядок.

– Э-э, – возразил ей с улыбкой мужичок. – В человеке главное – внутренний мир!

Дождавшись, когда наставница унесет на голове на достаточное расстояние корону из накладной косы, поведал:

– Теща. Бывшая. Собаку облей в мороз водой – околеет. А эта каждую зиму в прорубь – и опять хрен да ни хрена, ходит поучает. Так как насчет слив-то?

Времени на пустые разговоры у друзей не оставалось, солнце клонилось к закату, но Васька не отставал, пошел за ними и к машине. Оглядел ее критически, хотя и не без зависти. Нарисовал пальцем рожицу на запыленном капоте.

– А у меня тоже... велосипед... был. Иномарка. Угнали. На двух колесах вообще-то летает душа, а на четырех возится брэнное тело, – с чувством превосходства дорисовал рожице усы.

– Только вот все, что между ног, – не транспорт, – не согласился быть мальчиком для битья Сергей, купивший джип лишь месяц назад. Кивнул на сливы, попробовав выехать на старой шутке: – 150 граммов в кулек.

Мужичок несколько секунд в прищур глядел на шутника, оценивая степень оскорбления, потом медленно, не спуская с него взгляда, высыпал сливы под колесо.

– Если думаешь, что я тебе трусы на веревочке, то глубоко ошибаешься.

Усмехнулся и пошел вдоль забора, тарахтя пустыми ведрами как трещотками по штакетнику.

Кречет стукнул по лбу нарисованному человечку. Сергей проверил ударом ноги накачку шин. Молча влезли в маши-

ну, Дима включил радио. Москва, как болтливая баба, взахлеб рассказывала о себе в новостях, и единственное, что ее заглушало, так это трещотка Василя. Юмор – он такой, он обжигающий, как сковорода без ручки. Собственно, человеку и даны два уха и только один рот для того, чтобы больше слушать и меньше болтать.

– Поехали, – принял на себя командование Кречет: старшим машины среди военных является тот, кто сидит справа от водителя.

Стараясь не раздавить сливы, Сергей развернул машину, выставив ее широкую морду к лесу, поглотившему разноцветный мотоцикл. Зеленая стрелка на экране навигатора уткнулась тоже туда, в извилистую лесную дорогу, которая и обещала вывести путников к нужной деревеньке. Баба Зоя, должно быть, уже заждалась заказанного замка...

Проплыли галки, расхаживавшие вдоль дороги в ожидании добычи вальяжными гаишниками, склонившиеся до пыли слоновьи уши лопухов. Москва в эфире продолжала сплетничать, но уже про Питер. Рекламный щит, увешанный, как грудь маршала, бесчисленными наградами, призвал вернуться и купить новые окна для счастья на улице Коммунистической. Но нарисованный усатый человечек понесся на капоте вперед, словно желая оставить как можно дальше брошенные хозяином сливы.

Дом бабы Зои даже не искали – первый слева на центральной улице, в голубой цвет выкрашенный. Приставлен-

ная к калитке палка извещала об отсутствии хозяйки, зато на шум мотора примчалась на трех лапах утыканная репейником псина. Присела чуть поодаль, выхлопывая смиренными глазами милосердие. Поймав на лету кусок колбасы, вмиг забыла об интеллигентности и принялась давиться деликатесом, гневно прорывав даже на тяжело прожужжавшую рядом муху.

– Я туточки, тута я, – прозвучало от дома напротив.

Раздвигая заросли мальвы около палисадника, к гостям зашмыгала в галошах на вязаные носки бабуля. Сил хватило до середины дороги, на разметке из бараньего гороха оперлась о палку отдышаться. Подавшегося на помощь Сергея остановила издали: сама, не волнуйся сердцем впустую.

– Разогналась идти, а ноженьки меня не слышат, – оправдалась подойдя. Порванное сбоку платье перетащила вперед, спрятала дырку под фартуком. – Да еще утром для смеха тяпкой по ноге лузганула... Ну, здравствуйте! С приездом. Я соседка, баба Сима.

Указала палкой на голубой дом:

– Это я калитку подперла от Кузьмы, шляется по дворам, как будто он всюду один хозяин, – замахнулась на собачку, прыгающую следом. Вместо звонка постучала палкой по забору: – Зойка. Встречай гостей! Идите смелее, ждет с утра.

Сергей отметил просевший угол крыльца и потерявшую из-за этого опору лавку. Это армейские острословы, намекая на скрещенные стволы пушек в его артиллерийской эмбле-

ме, говорят, будто пушкари в этой жизни палец о палец не ударят. А ракеты к звездам кто запускает? Хотя на грешной земле работы, конечно, еще больше. Сюда, к бабе Зое, надо было раньше приехать...

Кречет, проследив за взглядом друга, согласился: надо менять стояк. Хотя теперь для чего, если уезжать?

– Ого. Больная-больная, а стол как для Путина накрыла, – с порога углядела баба Сима заставленный едой столик у окошка. Перехватила у соседки миску парующей картошки, утвердила ее в центре стола: в сравнении с ней в селе даже хлебу место всего лишь на уголке. Однако приглашения остаться не получила и кивнула всей хате сразу: – Ладно, поговорите тут без меня, а если надо – кликните.

Все же до последнего надеясь на угощение, потопталась у порога с палкой, как Кузя на своих трех лапах. В селе последние дни только и разговоров, что Зойку-партизанку приедут забирать в дом ветеранов друзья ее внука Костика, погибшего неизвестно где, но похороненного в Москве с почестями. Зря, что ли, сидела в засаде в мальве? По большому счету, ей даже ни московской фигуристой колбасы не надо, выгружаемой на стол приезжими, ни вон той жирной золотистой шпротины, и даже обошлась бы без заплетенного в косичку, но издалека пахнущего поджаристыми боками сыра. Ей интересно просто поговорить с новыми людьми – такого богатства нынче в селе ни за какую пенсию не купишь. Но потом – так потом.

– Хотела с дорожки молочком встретить, а оно только ночь переночевало, а уже скисло, – развела руками баба Зоя перед оставшимися. – Вон рукомойник, – кивком головы указала на закуток в кухне. – А полотенце сейчас принесу.

Держась за выбеленную, словно на выданье, печь, зашмырыгала во вторую половину хаты.

– Да вот же висит, не надо, – остановил Сергей, пока Кречет продолжил разгружать сумки.

– То состарилось, пора с рук на ноги перекидывать, – отмахнулась баба Зоя. Перетащила ноги через порожек, загрохала дверцами платяного шкафа. – Костика давно видели? А что он сам-то не приехал?

Офицеры переглянулись. Глава района говорил, что после операции и наркоза память у бабы Зои поплыла и что в ее 90-летнем возрасте это трудновосстановимо. Но забыть, что Костя погиб...

А баба Зоя словно выходила через высокий порожек не в другую комнату, а в иное измерение. Появившись с полотенцем, недоуменно замерла, глядя на гостей:

– Вы кто?

Со страхом и любопытством начала оглядывать стены, словно видя их впервые. Как к чему-то спасительному, подалась к рамкам с фотографиями.

– Так это я, что ли? – ткнула она пальцем в девушку с радикулем, стоявшую около памятника. – Я. А это папкина могилка, – погладила стекло.

Костя сто раз рассказывал, как при облаве на партизан его прадед отправил дочь вместе с ранеными через болото, а сам, отвлекая немцев, повел отряд на прорыв в другом месте. Пуля попала ему в горло, когда закричал «Ура», словно хотела остановить клич атаки. А семнадцатилетняя баба Зоя вывела из окружения раненых и получила орден Красной Звезды. Лесную могилку отца разыскала после войны и перевезла его останки на деревенское кладбище...

– А это Ваня мой, – улыбнулась солдатику с орденами на груди у развернутого знамени и тут же постучала по стеклу пальцем: – Вот чего ты умер? Я тебя просила об этом? Мы ж тебя рятовали всем селом, а ты... Эх, батька-батька. Под землей, а приползу к тебе!

Больше никого в рамке не распознала, хотя и потрогала пальчиком каждое лицо на снимках. Посмотрела мимоходом в окно, поправила занавеску на шнурочке и вдруг встрепенулась:

– Господи, так это же моя хата!

Принялась снова трогать и рассматривать занавеску с узнанным зашивочным рубчиком, божничку с иконой, диван, телефон на тумбочке.

– А где я только что была?

Взгляд умолял обмануть, не говорить правду. Тихо заплакала, присела на диван с резной спинкой и принялась стучать себя кулачком по лбу:

– Ну что ж ты у меня болеешь? Я тебя обидела чем-то?

Что ж ты ничего не помнишь, делаешь из меня дурочку? – Отыскала взглядом ребят: – Привезите мне врача. Пусть даст таблеток от головы.

Кречет дернулся к выходу – в бардачке машины какие-то таблетки имелись, но сам же и остановил себя, словно на минном поле. Чтобы пройти по исчезающей памяти последней партизанки отряда «За власть Советов» – тут не хватит ни звезд на погонах, ни крестов на груди. Эх, Костя-Костя!

Замяукала из сеней кошка, просясь в дом. Этот звук тоже оказался родным и знакомым, баба Зоя привычно подалась на него, толкнула плечиком дверь. Кошка вошла королевной, с хвостом выше себя. Полноправным членом семьи запрыгнула на диван, потянулась к еде. Сергей, сервирующий стол, шуганул ее из-под руки, и лишь потом спохватился: наверняка у нее с хозяйкой свои застольные отношения. Бросил извинительно под стол палочку-выручалочку – кусочек колбасы.

– Ну что, за стол?

В хорошей избе так: сначала кормить, потом расспрашивать.

– Что ж вы так деньги растранижили? – Баба Зоя довольно оглядела скатерть-самобранку, раздвинула занавески: жалко, что Сима ушла, не шмыгает под окном, как давеча. Кто теперь людям расскажет, какие у ее Костика друзья?

Потянулась к сладенькому – уже разрезанному на дольки тортю: картошка каждый день, а таких праздников, чтобы со

сладостями, после внука кто организует? А вот он сам где-то запропастился, не едет и не едет. Гонцы, что ли, будут папкину с мамкой могилку обкашивать? Люди говорят, что репейник уже около креста рвут...

Дрожащие пальцы не смогли удержать воздушный бисквит, он перевернулся своим белым колпаком прямо на картошку. Баба Зоя попыталась вытащить торт из горячей западни, но, лишь больше перепачкав руки, откинулась на спинку дивана и вновь беззвучно заплакала от своего стыдного бессилия.

Кречет осмелился вытереть полотенцем хозяйке руки, набрал ей в тарелку всего понемногу. Та не стала противиться уходу, начала примеряться, чего попробовать в первую очередь в мозаике из еды.

– А вы, значит, от Костики? – начала расспросы по третьему кругу, помогая хлебом соорудить на вилке горочку крабового салата. В конце концов взяла ложку и зачерпнула сколько хотела. – А откуда ж вы его знаете?

– Учились вместе в суворовском училище.

– А он что у меня, военный? – не поняла баба Зоя, поворачивая к говорившему правое ухо. Видимо, оно лучше слышало. Горько покачала головой: – Во, и не сказал родной бабке. Пусть только приедет. А ночевать хоть у меня останетесь?

Сборы на выезд намечали утром, и Сергей подтвердил:

– Если где можно примоститься...

От кроватей в комнате отказались, постелились на веранде. Кречету достался навечно сколоченный скобами топчан, Сергею – скрипучая, провисшая раскладушка, на которой, возможно, спал еще Костя. Выбор не обсуждался: высыпать – должен водитель, даже если он ефрейтор перед генералом.

– А я еще спать не буду. Я еще поблагодарю Бога за день прошедший. – Баба Зоя переместилась к божничке в красном углу – треугольной полочке из сколоченных досок, на которой стояла дощечка с вырезанной из журнала картинкой Богородицы. Креститься не стала, скорее, не приучилась. Сняла зеленый молитвенничек, зыркнула на гостей: не привыкла молиться на людях. Кречет подтолкнул Сергея к двери – пошли подымим.

Куриль первый раз они попытались в суворовском, в увольнении перед самым выпуском. Как же, короли! Командир роты, случайно увидев «трех мушкетеров» на лавочке с сигаретами, молча подсел на краешек. Дождался, когда подчиненные по-армейски затушат окурки о подошвы ботинок и вытянутся в струнку.

– Вице-сержант Сергей Хорошилов, подскажи-ка мне, кем хочешь стать?

– Что-нибудь поближе к электронике, товарищ подполковник.

– Ясно, ракетчиком: сам не летаю и другим не даю. А ты, старший вице-сержант Дмитрий Кречет?

– Отец сапером в Афгане был. Орден Красной Звезды...

– Знаю. Знаю, что сапер ошибается дважды. И первый раз – когда выбирает профессию. А вот вице-старшина Константин Дружинин мечтает, насколько я помню, о воздушно-десантных войсках.

– Так точно, товарищ подполковник. ВДВ...

– Выходные Дни Выбрось! А вы выбросьте с этой минуты свои мечты, потому что пойдете у меня в училище тыла. Там столько электроники заложено в бухгалтерских счетах, такие прыжки можно совершать на пружинных кроватях, такие «мины» на подсобном хозяйстве... Курите дальше.

Бросили. Сергей и Костя навсегда, а вот Кречет вновь взял сигарету, когда одна из мин, которые он выкапывал и носил как картошку с поля под Пальмирой, выскользнула из рук.

Ротный был прав насчет ошибки в выборе профессии сапера. Но в тот раз, на счастье, ошибся незнакомый игиловский «кулибин», где-то что-то не так соединивший при изготовлении кустарной мины. Звонко упала плашмя о каменную плиту, испугав лишь какую-то пролетавшую мимо пичужку.

На улице, увещевая в чем-то Кузю, мялся недалеко от дома коренастенький, в рубашке в клеточку мужик. Возможно, это был даже мотоциклист-пасечник, очень уж похоже пригладил волосы, увидев приезжих. Кузя на правах старого знакомого бросился к ним первым, повторяя умильное хлопанье глазками. Видимо, на улицу в селе без угощения не выходят.

Незнакомец подошел степенно, протянул руку:

– Федор Степанович. Последний председатель колхоза, а Зоя Павловна работать работала у меня бригадиром. Давала копоти, кто умирал по легкой жизни. Может, присесть присядем? – кивнул на бревно у забора. – Оно, дерево, умное, корнями глубоко в землю вращать вращало.

Охотно угостился у Кречета сигаретой, в ответ поделился огоньком, выбитым в сплюсненном коробке из картона.

– Во, это точно сигареты, – окурил всех, как пчелиный рой, дымом. – А то местные распотрошить распотрошил, посмотрел под микроскопом – одна трава! 50 рублей за пачку каждый день выкидывать выкидываю, хотя у самого стог сена с прошлого года стоит, и бесплатно. А вы, значит, от Костика. Его хорошо почитали у нас в селе...

Помолчали, поминая погибшего. На озере где-то в центре села царевнами квакали лягушки. Мошकारа, не желая залетать в вечернюю тень, крутилась буравчиком перед лицами мужиков. Проскакала галопом лошадь, управляемая голопущим парнишкой, заставив пристроившегося к мужской компании Кузьму лениво приподнять голову. Зато куры, оправдывая свое количество мозгов, словно сорвались на пожар из своего закутка, чтобы перебежать дорогу перед самыми копытами и затем устало вернуться обратно. Вдалеке обозначилась кукушка, усмехаясь: а судьбы-то ваши все равно определяются где-то и кем-то, а не вами и не сейчас.

Всему нашлось место на этой земле: и крапиве за брев-

ном, и одуванчикам под ногами, и лягушкам, и мошкаре, и кукушке, и Кузе – только не Косте.

Председатель посмотрел в сторону, где насколько могла торопливо, чтобы не попасть на глаза приезжим, преодолела путь от мальвы до президентского стола баба Сима.

– Истоптались мои орлицы. Попытаться попытался однажды вспомнить, брал ли кто у меня больничный в колхозе. Ни одной фамилии не загорелось в голове. Казалось, снесу никому не будет... А вы, значит, бабу Зою забирать забираете...

– Трудно ей одной.

– Одному всякому трудно. Только, если откровенно, жалко ее отдавать. Последний ветеран войны. После нее от Великой Отечественной в селе только памятник останется. И все, кончилась эпоха... Да-а-а... Я завтра людей кликнуть кликну, проводить Зою Павловну надо достойно.

Не отказался от второй сигареты. Экономя спички, подкурил от предыдущей. Уходить к своему одинокому стогу сена, видать, не хотелось, и попробовал обкатать новые рельсы.

– Костик все же как погиб, не скажете? Я тут прикинуть прикинул время и события, и все же думаю, что был он на Украине, на Саур-Могиле. Второй прадед его, Иван, за ее штурм ранение и орден в Отечественную получил. А Костик наш такой, за родовую память спуску никому не даст. А? Или молву пускать по селу не надо про «северный ветер»?

События в соседней стране, надо полагать, интересовали

бывшего председателя сильно, если знал термин, обозначающий поездку добровольцев на помощь Донбассу.

– Не надо, – согласился Кречет.

Костя был действующим офицером, и что во время отпуска поехал не на море, а к донбасским терриконам, относилось к его личному делу. И, как выясняется, продиктованному не бравадой вояки, а памятью о предках. Даже измени им тогда в суворовском командир роты судьбу из-за мальчишеской сигаретной затяжки, наверняка бы каждый вырулил на свою тропинку. Судьба все же – не от кукушки, она есть сам человек...

– Федор Степанович, а можете показать нам село, окрестности? Хочется посмотреть, где Костя рос, – вытащил Сергей ключи от машины.

– Тогда с кладбища. Оно на пригорке, село оттуда как на ладони. Так что мы тут под присмотром у мертвых, забаловать не забалуешь. И родители Костики там, на мотоцикле разбились. Кладбище – оно, как телевизор, всех к себе собирает...

Провожали Зойку-партизанку в Дом ветеранов, как отправляли раньше ребят в армию – всем миром. Это приходило на ум и потому, что сидела она на покосившемся крыльце в кофте, на которой вразнобой, без положенной очередности в статусе, теснились и блестели, как чешуя на кольчуге, ордена и медали. Распоряжалась суетой баба Сима, по-

лучившая ключи и наказ присматривать за домом. Угощения и подарков хватало: Сергей утром смотался в Суземку, и теперь баба Зоя одаривала подходивших к ней подруг полотенцами, чашками, блюдцами, фартуками. С мужиками получилось проще: два десятка пил-ножовок хозмагу принесли план, а им – радость.

– От меня. На память, – всматривалась в лица подходивших к ней односельчан баба Зоя, силясь удержать в памяти образы тех, с кем прожила рядом всю жизнь.

– А кому самогоночки, самогоночки кому? – толкался с трехлитровой банкой среди собравшихся худощавый, изрядно подвыпивший, а потому добрый, взлохмаченно-лысый мужичок. – И-и, чистейшая. Глядишь в нее и себя видишь, – рекламировал, видать, собственное производство.

Детям раздавались конфеты. Поскуливал Кузя – при сладком столе собаке только глотать слюнки. Баба Зоя, непрерывно трогавшая вынесенные из дома сумки с вещами, вдруг просветленно, а потому тревожно вострепелась:

– Грамоты! Где грамоты?

– Какие тебе теперь грамоты, Зоя Павловна! – успокоил председатель, подсевший рядом на скамейку и приобнявший бригадира за плечи. Лавка от веса перекосилась, едва не уронив хозяйку с кавалером. Видать, и в самом деле подоспело время всему отживать. – Отныне в городе можешь ногой показывать и командовать, что делать. Город – он к ветеранам приспособленный.

– Так приеду к людям, а они и знать не знают, какая я была работящая. На божничку положила, чтоб не затерялись. Проверь, – приказала Сергею, как Костику.

Память у бабы Зои работала, зря она стучала себя по лбу: стопка трудовых грамот с красными знаменами и портретами Ленина и впрямь своей высотой едва не закрывала Богородицу. Рядом с «Молитвословом» лежал не менее затертый партийный билет в традиционной красной корочке и с датой вступления в партию в 1943 году – время самых тяжелых боев партизан перед Курской битвой. Верили, верили в победу даже восемнадцатилетние девочки, находясь в полном окружении врага! Тут же лежали перетянутые резиночкой удостоверения на награды. Божничка словно хранила не только жизнь бабы Зои, но и историю страны, примирив коммунистов и верующих, красных и белых. Закладкой в «Молитвослове» служила палочка от «Эскимо», возможно еще Костей когда-то купленного, и Сергей не быстрее бабы Зои выговорил буквы ее ежевечерней молитвы:

– Свете тихий... пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний, поем... Бога... мир Тя славит...

Сложив содержимое, Сергей не посмел при этом тронуть Богородицу: а и впрямь, пусть остается охранять дом с невестой-печкой и фотографиями.

– Ох, чую, какой-то обман мне идет, – вцепилась, как в спасательный круг, в свою бумажную биографию баба Зоя. Вот ведь поколение: сумок с одеждой не надо – дай прижать

к груди документы. – Колесом пошел белый свет. Такого сам татар не придумает, как я с этим отъездом. Кому я там нужна буду? Костик! Где Костик?

Стоявшие рядом бабы опустили головы, кто-то перекрестился: минуй нас подобная участь! Хозяйка опять выделила взглядом Сергея, более всего запомнившегося рядом с именем внука, поманила. Шепот у теряющих слух людей настолько громкий, что слышали все:

– А хоронить чтобы все равно сюда привез. Хоть косточками, а вернусь.

Увидев, что офицеры поглядывают на часы, председатель встал. Отставив локоток, по-гусарски выпил до дна перед бывшим бригадиром свой стакан самогона. Внук с исцарапанным подбородком, густо замазанным зеленкой, привычно подсунул на закуску оставшийся ободок от печенюшки, не оставив надежды на угощение вечно голодному Кузьме. Баба Зоя прижала паренька к себе, шепнула на ухо что-то секретное. Тот согласно кивнул, получил новую порцию сладостей и уступил место взрослым.

– Все, все! – не забывал своей роли руководителя Федор Степанович: демократия демократией, а у него в колхозе, хоть и бывшем, должен быть порядок. – Пора ехать. А пожелать пожелаем нашей Зое Павловне через зиму вернуться сажать огород.

– Что он говорит, не слышу, – поинтересовалась у Сергея баба Зоя. Предполагая обратное, спросила с хитрецей: – Не

ругает?

Не ругал. Лично проводил до машины, насильно всунул офицерам в гостинец две банки меда. Баба Зоя в последний сто китайский раз обнималась потом с каждым, хотя по глазам было видно, что она мало понимает в происходящем. Взгляд сумел зацепиться лишь на том, как Сима закрывала амбарным замком дом. Подалась обратно, но Кречет удержал, а Сергей завел машину. Подсаживаемая председателем, баба Зоя втянула с собой в салон и отполированную до костяного блеска палочку. Тявкнул Кузя, оставшийся единственным нецелованным из собравшихся.

Вот теперь – с Богом!

– Не в лесу и не на болоте росла, должна уметь, – прошептала утихомирившаяся баба Зоя, и стало ясно, что она, несмотря на боевые ордена, боится новой жизни. И все предварительные переговоры, которые Сергей и Кречет вели по телефону с ней и руководством района, – это ее стремление оттянуть момент переезда в Дом ветеранов. – Проедь к центру, – попросила водителя.

Сама уткнулась лбом в стекло, чтобы лучше разглядывать улицу, и Сергей погасил скорость. Ничего, Зоя Павловна, у ветеранов тебе будет легче: ни дров для печи, ни воды из колонки. Не тронулись бы с места, покажись там неуютно и казенно: перед приездом сюда заехали в Дом и лично проинспектировали ситуацию. Костя бы «спасибо» сказал. А по весне лично приедут и привезут в родной дом на побывку...

По берегу озера, как опята, росли ракиты – вечером при знакомстве с селом как-то не отметили это. Затесавшаяся меж ними березка выгибалась, выгибалась, чтобы вырваться из-под их крон и в то же время не коснуться воды – и хоть кривая, но ушла вверх. На ее стволе сидело сразу три рыбака. Головы, как у Змея Горыныча, глядели в разные стороны, но на шум мотора повернулись одновременно, и баба Зоя кивнула им из-за стекла: прощайте и вы. Все прощайте.

– Зоя Павловна, ну что вы, – сидевший рядом с ней на заднем сиденье Кречет попытался отвлечь от грустных мыслей, хотя сам, покидая даже не дом родной, а сирийскую Пальмиру после трех месяцев работ по ее разминированию, едва сдерживал слезу. Сентиментальность редко до добра доводит, но уж точно не дает пополнить ряды истуканов на острове Пасхи.

– Все, жизни капут! – откинулась на спинку баба Зоя и прикрыла глаза.

В уголках век начали копиться, набухать капельки слез, в какой-то момент они сорвались вниз и по проложенным среди морщин блестящим тропинкам уже спокойно потекли ручейки. Сергей глянул в зеркало заднего вида на друга, тот пожал плечами: я не знаю, как успокаивать, не оставляй меня одного.

Остановились у памятника, на котором верхней строчкой шло имя комиссара партизанского отряда «За власть Советов» – ее отца. Баба Зоя нетерпеливо принялась дергать руч-

ку, чтобы выйти. Не выпуская пакет с грамотами, зашла в оградку, прислонилась к памятнику. Как и в случае с молитвой, Кречет дернул друга – оставим одну, лучше заглянем в сельский клуб, по какой-то причине открытый днем.

На сцене, с важностью рояля занимая его середину, стоял теннисный стол, на котором играли в пинг-понг две девушки. На вошедших не обратили внимания, и Кречет по привычке сапера заглядывать во все дыры приоткрыл дверь в пристройку, оказавшуюся библиотекой. На столике лежал измятый, выучивший не одно поколение девятиклассников любви «Евгений Онегин». Зато между металлическими стеллажами, не замечая вошедших, целовались пока только заказавшие роман мальчик и девочка. Подпиравшего сзади друга Кречет оттолкнул обратно в зал.

– Что там? – поинтересовался Сергей.

– Там продолжается жизнь, – не стал объясняться сапер.

Теннисистки закончили партию и проявили наконец учтивость:

– Играть будете?

– Денег нет.

– Так у нас бесплатно! – бесхитростно удивились едва не хором.

Поняв, что с ними шутят, смущенными актрисами нырнули за кулисы.

Баба Зоя уже сидела в машине, и друзья заторопились: как смогла одна подняться на высокий порожек джипа!

А она и не поднималась. Салон оказался пуст, и это было непонятно, потому что далеко уйти с палочкой Зоя Павловна не могла. Кречет обошел памятник, потом заторопился к озеру, но рыбачий Горыныч замотал тремя головами – не проходила. Но ведь они пробыли в клубе не более трех-пяти минут. Да, партизанская разведчица, но и они не Вольское училище тыла заканчивали, целый капитан с досрочным майором. Исчезнуть же могла только в зарослях бурьяна за памятником, и Кречет опять же потому, что сапер, первым влез в репейник. Вытоптали бурьян и, уже в открытую паникуя, позвали на подмогу из клуба молодежь. Прочесали окрестности с ней.

– Показывай дорогу к председателю, – приказал пацану-Онегину Кречет.

Федор Степанович возился со знакомым мотоциклом, рядом стояла жена с не менее знакомым топором. На нем, как на наковальне, хозяин отстукал молотком какой-то тросик, всунул в генератор.

– Сбежала, что ли? – с полувзгляда понял растерянность приезжих и почему-то улыбнулся. Может, даже предполагал подобное. – Во пионерка! – то ли радостно, то ли просто вычищая ветошью солярку между пальцами, потер руки. Охотно принял сигарету. – Она и у меня своевольничала, такую в оглобли загнать не загонишь.

– Но надо же что-то делать!

– А может, не надо? – сбил ногтем пепел, очищая табак

перед новой глубокой затяжкой. – Глядишь, дольше пожить проживет в родных стенах. Тут коров на другую ферму перегоняли – ревмя ревели, а хотите человека сорвать с места. Что она, одуванчик? Всем Бог наделил человека, кроме защиты от тоски и боли.

Разогнал дым перед лицом, начал всматриваться в рубашку, словно увидел ее впервые. А может, и впрямь только сейчас соотнес: жизнь – это вовсе не плоские полосы, а клетка светлая, клетка темная. Объем. Хмыкнул: открытие не понравилось, потому что эти клеточные объемы покрывали его собственные плечи. Единственное, чем смог облегчить себе жизнь, – засучил рукава. Все, нету ни клеток, ни полос.

– А присмотреть присмотрим за ней. Мой внук Олежка ее крестник, так что пригляд будет...

Деревенские ракиты старухами вышли провожать офицеров за околицу. Выстроившись вдоль дороги, кивали вслед головами в зеленых платках. Видать, не все счастливые дни вороны поклевали в деревне, коль продолжал жить в ней народ.

Едва вслед за машиной пробежали по обочине отблески подфарников, в палисаднике бабы Зои зеленым поплавром вынырнул внук председателя. Убедившись, что улица пуста, махнул рукой крестной, разведчиком прячущейся за погребом: выходи, бабуль, мы их победили. Та, насколько далеко хватило глаз рассмотреть дорогу, убедилась в этом самолич-

но и пырнула проводнику денежку: купи себе за труды чего-нибудь рот подсластить. Приведя себя в порядок, принялась осматривать грядки, где укроп с петрушкой перли так, будто огород вспахивался только для них одних. А вот дождика, дождика бы не мешало, картошка печется в земле который день...

Сергей, молчавший всю дорогу, перед Суземкой вдруг свернул с объездной дороги и вырулил к хозяйственному магазину. За сутки здесь мало что изменилось: бродили по штакетнику «варежки», Васька в неизменном одеянии кричал кому-то на другой стороне дороги:

– А у тебя нет с собой гвоздя? Сотки хотя бы. Козла твоего прибить к забору, чтобы не ломал штакетник.

Увидев знакомую машину, запахнулся полами плаща: абонент недоступен. Но из зоны доступности не выходил, делая вид, что озабочен состоянием штакетника, вчера ведрами самолично колошмативший его не хуже козла. Интеллигентно вытащил из почтового ящика на углу стопку газет: и впрямь не трусы на веревочке, о внутреннем мире своем заставил заботиться прессу.

– Придержи его, а я быстро, – попросил Сергей друга.

Сливы были раздавлены другими машинами, но тем не менее, вновь попытавшись не наехать на них, развернулся.

– Привет, Василий. – Подходя к мужичку, Кречет протянул руку, признавая вину за вчерашнее и запрашивая мир. Тому уважение понравилось, протянутая рука пожа-

лась, плащ распахнулся.

– Куда рванул-то твой гордый?

– Сам понятия не имею, – признался Кречет.

– Ты ему скажи, что нельзя бороной да по всей душе.

– Он уже понял, – уверил Кречет и поспешил сменить тему: – Сегодня без тещи?

– А у ее ног головы нет. Пока не обойдет пять раз все рынки, солнцу нельзя зайти за горизонт. Теща боец, ей только раны на войне перевязывать. Молодец, когда не слышит. А вы откуда приземлились? Раньше не видел.

– К другу заезжали.

– Куплю велик, первым делом тоже доеду до кума. Бедует один в своем селе. Деревенская жизнь только на картинках хороша, а кто убежал из нее, возвращаться не торопится.

– Но некоторые, наоборот, не хотят уезжать.

– А это как вовремя жениться. Чуть перехолостяковал – все, другой жизни нету. А оно, может, и не надо. Вон, летит твой орел на цыпочках.

Сергей мягко подкатил к самому штакетнику. Молча открыл багажник, достал оттуда сложенный, еще в заводской обертке, велосипед. Прислонил его рядом с онемевшим Василием, хлопнул его по плечу и занял место за рулем: а теперь вперед.

– Теперь до кума доедет, – миновав от Суземки три-пять поворотов, порадовался за Василия Кречет. – Смотри, смотри, а вон и знамя! Помнишь, Костя рассказывал.

Над обелиском, стоявшим у дороги, возвышалась изогнутая от непогоды и времени сосна с отпиленной верхушкой, где трепетало красное знамя. Табличка на памятнике гласила, что в этом месте партизанская группа «За власть Советов» приняла первый бой с фашистами. Каждый год находится тот, кто лезет на сосну и меняет выцветший флаг. Но первым его вознес и укрепил Костя, еще суворовцем. В память о партизанском отряде, в котором погиб его прадед. И вот настали времена, когда баба Зоя осталась последним живым партизаном из этого отряда...

– Эх, задержаться хотя бы на день-другой, – помечтал Кречет, прекрасно зная, что оба не могут этого сделать. Даже на день. Лично у него начинается формирование батальона разминирования в бывшую Югославию: как воевать, так полмира наваливается, а приходит время приводить все в порядок, то Россия – вперед! – Крыльцо бы подправить.

– Завтра у меня вылет на Байконур. Запуск. Без вариантов.

– Слушай, а вот если бы, в порядке бреда, одному из космических кораблей присвоить имя бабы Зои? А что? Последний ветеран Великой Отечественной должен стать звездой на небе, не меньше.

– Если только мысленно... Хотя можно и попробовать, почему бы и нет. Для власти это за честь.

– Было бы здорово... Интересно, а что сейчас делает наша беглянка?

– Может, грамоты читает. Или фотографии рассматривает. Ей есть что вспоминать...

Баба Зоя полулежала на ступеньке крыльца и примерялась, что можно подсунуть под ножку покосившейся лавки. Под руки попался амбарный замок, привезенный друзьями Костика. С усилием, но затолкала его под ножку. Переваливаясь, взобралась на сиденье, проверила на устойчивость. Теперь можно жить дальше.

Проговорив буквы «Свете тихого», поклевала перенесенное обратно через дорогу от Симы оставшееся угощение. На озере под прохладу вновь завелись лягушки, выкликая такой нужный для огородов дождь. Проехал с ревом на отремонтированном мотоцикле наперегонки с Кузей крестник, надо будет поругать, что даже ей, глуховатой, бьет по ушам. А вот свет от фары порадовал улицу, на которой сразу после выборов отключили на столбах фонари. Плохо, что после яркого света сразу стало темнее. И прохладнее, как перед дождиком. Но несколько звездочек все же проклюнулось сквозь тучи. Одна из них бесстрашно карабкалась прямо в центр неба – значит, самолет или спутник.

Баба Зоя пожелала ему доброго пути и стала закрывать калитку, готовясь ко сну...

Золотистый золотой

...И сказал ей бородатый главарь, увитый по лбу зеленой лентой: «Тебе туда». – И показал стволом автомата на горный склон: – За ним ты найдешь своего сына. Или то, что от него осталось.

Если дойдешь, конечно».

И замерли от этого жеста боевики, а в первую очередь те, кто устанавливал на этом склоне мины. Надежно устанавливал – для собственной же безопасности.

Разведка федеральных сил не прошла – откатилась, вынося раненых.

Попавшие под артобстрел шакалы, спасаясь от снарядов, вырывались сюда, на простор, и на потеху Аллаху устраивали фейерверк на растяжках.

Пленные, что вздумали бежать, взлетели здесь же на небеса.

Сын? Нет, сына ее здесь нет. Но они слышали о пленном русском пограничнике, который отказался снять православный крестик. Зря отказался: через голову и не стали снимать, делов-то – отрубили голову мечом, и тот сам упал на траву. Маленький такой нательный крестик на белой шелковой нитке, мгновенно пропитавшейся кровью. Гордого из себя строил, туда-сюда, движение. А то бы жил. Подумаешь, без креста... Дурак. А похоронили его как раз там, за склоном.

Иди, мать, а то ночь скоро — в горах быстро темнеет. Жаль только, что не дойдешь. Никто не доходил.

Пошла.

Пошла по траве, выросшей на минах и среди тоненьких проводков, соединявших гранаты-ловушки. Вдоль кустарников, израненных осколками. Вдоль желтеющих косточек чьих-то сынков, не вынесенных с минного поля ни своими, ни чужими. Собрать бы их, по ходу, раз она здесь, похоронить по-людски, с молитовкой. Но она шла-торопилась к своему дитяти, к своей кровинушке, к своему дурачку, не послушавшему бандита. О Господи, за что? Ведь сама прилюдно надевала сыночку крестик на призывном пункте — чтобы оберегал. И видела ведь, видела, что стесняется друзей ее Женька, пряча подарок глубоко под рубашку. Думала, грешным делом, что не станет носить, снимет втихаря.

Не снял...

А ей все смотрели и смотрели вслед те, кто захотел иметь собственное солнце, собственную личную власть, собственных рабов. Ухоженные, упитанные, насмешливые бородачи. Три месяца она, еще молодая женщина, ощущала на себе эти взгляды, терпела унижения, оскорбления, издевательства. Три месяца ее секли холодные дожди. По ней стреляли свои и чужие, потому что по одинокой незнакомой фигуре на войне стреляют всегда: на всякий случай или просто ради потехи. Она пила росу с листьев и ела корешки трав. Она давно потеряла в болоте туфли и теперь шла по горным

тропам, по лесным чащам, по невспаханым полям босиком. Искала сына, пропавшего в чужом плену на чужой войне. Невыспавшейся переходила от банды к банде, голодной – от аула к аулу, заоченевшей – от ущелья к ущелью. Знала одно: пока не найдет своего Женьку, живого или мертвого, не покинет этой земли, этих гор и склонов.

«Господи, помоги. На коленях бы стояла – да идти надо. Глаза бы выплакала, да искать надо. Истово молюсь, ибо знаю, слабая молитва выше головы не поднимется. Помоги, Господи. Потом заberi все что пожелаешь: жизнь мою заberi, душу, разум – но сейчас помоги дойти и отыскать сыночка...»

– Сейчас, сейчас взлетит, туда-сюда, движение.

– Здесь еще никто не проходил.

Ждали боевики, не спуская глаз с русской женщины и боясь пропустить момент, когда вздыбится под ее ногами земля и закончатся муки.

Не заканчивались. Небеса, словно оправдываясь за страшную кару, выбранную для ее сына, отводили гранатные растяжки. А то ангелы прилетели от него, от Женьки, и подстилали свои крыла под растрескавшиеся, с запеченной кровью ноги, не давая им надавить сильнее обычного на минные взрыватели. И шла, и шла мать туда, где мог быть ее сын. Уходила прочь от главаря с зеленой лентой, исписанной арабской вязью. И когда уже скрывалась она с глаз, исчезала среди травы, один из боевиков поднял снайперскую винтов-

ку. Поймал в прицел согбенную спину: прошла она – проведет других. Не взлетела – так упадет...

Но что-то дрогнуло в бородаче, грубо отбил он в сторону оружие и молча зашагал прочь.

В ущелье.

В норы.

В темень.

Он не угадал. А тот, кто не угадывает, проигрывает...

А еще через два дня к боевому охранению пехотного полка вышла с зажатым в руке крестиком на коричневой шелковой нити седая старушка. И не понять было с первого взгляда: русская ли, чеченка?

– Стой, кто идет? – спросил, соблюдая устав, часовой.

– Мать.

– Здесь война, мать. Уходи.

– Мне некуда уходить. Сынок мой здесь.

Подняла руки – без ногтей, скрюченные от застывшей боли и порванных сухожилий. Показала ими в сторону далекого горного склона – там он. В каменной яме, которую вырыла собственными руками. Ногтями, оставленными там же, среди каменной крошки. Сколько перед этим пролежала без памяти, когда отыскала в волчьей яме родную рыжую головушку, из-за которой дразнили ее Женьку ласково «Золотистый золотой», – не знает. Сколько потом перекопала холмиков и пролежала рядом с обезглавленным телом своего мальчика – не ведает тоже. Но, очнувшись, поглядев в чужое безжиз-

ненное небо, оглядев стоявших вокруг нее в замешательстве боевиков, усмехнулась им и порадовалась вдруг страшному: не дала лежать сыночку разбросанным по разным уголкам ущелья, соединила головушку...

...И, выслушав ее тихий стон, тоже седой, задерганный противоречивыми приказами, обвиненный во всех смертных грехах политиками и правозащитниками, ни разу за войну не выпавшийся подполковник дал команду выстроиться под палящим солнцем полк. Весь, до последнего солдата. С Боевым знаменем.

И лишь замерли взводные и ротные коробки, образовав закованное в бронежилеты и каски каре, он вывел неожиданную гостью на середину горного плато. И протяжно хриплым, сорванным в боях голосом прокричал над горами, над ущельем с остатками банд, над минными полями, – крикнул так, словно хотел, чтобы услышали все политики и генералы, аксакалы и солдатские матери, вся Чечня и вся Россия:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.